

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 47. Is. 1. pp. 232-241. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.1.232
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

The Ethno-Religious Aspect of the Educational Policy of the Russian Empire in the second half of XIX – early XX century (on the Example of the Muslim Education System of Western Siberia)

Petr K. Dashkovskiy^{a,*}, Elena A. Shershneva^a

^a Altay State University, Russian Federation

Abstract

The article deals with the problem of reforming the system of school education in the Russian Empire at the turn of XIX–XX centuries. The special interest from the state in this period was aimed at reforming the foreign education, and primarily affected the system of Muslim school education in the country. The government's policy of reforming the school system was not consistent. The initial phase of the reform of national school education was marked by the minimal interference in this area. However, when the graph D.A. Tolstoy, who served as minister of public education in the period from 1866–1880, the muslim educational institutions were completely subordinate to the Ministry of public education and the Russian Orthodox Church. This is confirmed by a special Provision, adopted in 1874. There was no consensus in relation to the structure of the school system and in the muslim environment. The Muslim clergy, represented by the mufti of the Orenburg mohammedan theological assembly, considered it necessary to introduce the russian language in muslim educational institutions. However, the parish clergy were wary of this innovation, as they saw the attempts of russification of foreigners by the government. In this regard, one of the main tasks of the government in reforming the school system was to limit the influence of the clergy, especially those who received education outside Russia and do not have a certificate for the right to teach. In an effort to improve the organization of the school system, muslims began to create a society of trustees, whose task was to provide the material assistance to the most capable students to continue their education. Despite the fact that these societies existed at the expense of charitable funds of the muslims themselves, the Ministry of internal affairs and district educational authorities intervened in the disposal of the material fund, spending these funds directly on the needs of its department. As a rule, these funds were used to open russian-foreign schools, whose task was the gradual eradication of national and religious culture in a foreign environment. In connection with the emerging political activism in the muslim world in the early XX century further enhanced the intervention in the national education system of the state, which is confirmed by the "Rules on the control of elementary schools for foreigners", adopted by the Ministry of Education in 1906.

Keywords: Islam, mekteb, medrese, Russian empire, church-state policy, the mullahs, Western Siberia, mosque.

1. Введение

Экономические и политические изменения, наметившиеся в Российской империи во второй половине XIX в., требовали коренных преобразований в разных областях развития многонационального государства, в т.ч. и социальном аспекте. Система образования становится также одной из областей, нуждающейся в серьезном реформировании. Особое внимание в этот период начинает уделяться системе школьного образования т.н. инородческого населения. Именно обучение лиц иных национальностей, не относящихся к русскому этносу, становится одной из главных задач государства. Начиная с 60-х годов XIX в. имперская власть принимает законы,

* Corresponding author

E-mail addresses: dashkovskiy@fpn.asu.ru (P.K. Dashkovskiy), D2703@yandex.ru (E.A. Shershneva)

направленные на создание государственных школ для инородческого населения на национальных окраинах страны (Ермолов, 2009: 104).

2. Материалы и методы

Наиболее объективно оценить роль национального фактора в системе народного образования позволяют архивные материалы, а также правовые акты, принимаемые в данный период в Российском государстве. Архивные материалы представлены циркулярными распоряжениями, предписаниями и указаниями правительства, направляемыми в Оренбургское магOMETанское духовное собрание, а также письмами и обращениями самих мусульман в различные государственные органы. При подготовке статьи использовались архивные источники, хранящиеся в Государственном архиве Алтайского края, Центральном государственном историческом архиве Республики Башкортостан, Государственном архиве Томской области, Государственном архиве г. Тобольска и Историческом архиве Омской области. Статья построена на методологических принципах историзма и объективности, что позволяет рассмотреть систему школьного образования в стране через призму государственно-конфессиональной политики в отношении народов, исповедующих ислам. Использование авторами проблемно-хронологического и ретроспективного методов дает возможность всесторонне рассмотреть проблему формирования системы национального образования в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв.

3. Обсуждение

Проблемами устройства системы национально образования в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. занимались В.А. Ермолов, Д.Е. Левашов, Д.В. Прахт, Е.А. Сафина и другие ученые. В работах данных ученых указывается на роль государственных органов в системе инородческого образования. Особое внимание исследователями уделяется системе реформирования мусульманского образования, как института по воспитанию нового типа интеллигенции (Прахт, 2011; Гаспринский, 1992; Гафаров, Гафаров, 2012). Другим направлением при изучении реформирования системы национально образования является проблема роли Русской православной церкви в данном процессе (Богуславский, 2006; Левашов, 2010; Стурова, 2014). В этой связи исследователями отмечалась особое отношение к мусульманской школе в Степном крае (Раздыкова, 2009; Блинова, 2010).

4. Результаты

В связи с тем, что российское государство представляло собой разветвленную конфессиональную и национальную систему образования, проблема создания единой школы для населения империи затрагивала все государственные институты. Русская православная церковь, носившая статус государственной конфессии, не могла остаться в стороне от проводимых реформ и постаралась выработать собственное направление в образовательной политике (Богуславский, 2006: 8–9). Православная церковь видела своей главной задачей воспитание подрастающего поколения в русле христианской морали. В связи с этим преподавание «Закона Божия» детям из семей, исповедующих другие религии, очень часто велось православными священниками по учебникам, написанным именно православными авторами. Правительство всячески поддерживало Русскую православную церковь, принимая при этом меры по сокращению часов, отводимых на изучение основ «инородческих» вероисповеданий. Естественно, такая ситуация закономерно вызывало недовольство со стороны родителей детей, воспитывающихся их в иной конфессиональной среде (Левашов, 2010: 135).

Согласно принятому в 1884 г. «Положению о церковно-приходских школах» Русская православная церковь стремилась к максимальному расширению системы данного вида школ. Указанное положение также способствовало увеличению часов, отводимых на преподавание предметов религиозного характера. В 1897 г. были приняты «Примерные программы предметов, преподаваемых в начальных народных училищах», которые предусматривали 45 % учебного времени на религиозное образование. Указанные меры свидетельствовали о консервативной линии, выбранной правительством в организации школьной системы (Богуславский, 2006: 14). Следует подчеркнуть, что вмешательство Русской православной церкви в дела образования при поддержке правительства наиболее хорошо видно на примере создания учебных заведений во второй половине XIX в. для населения, проживающего на окраинах Российской империи. В обязанности миссионеров, проповедующих среди населения Киргизской степи (Казахстана) входило создание учебных заведений и приютов, находившихся в ведении Министерства народного просвещения для приобщения казахского населения к русской культуре, а в дальнейшем и к полному их обрусению (Стурова, 2014: 214–215).

Следует отметить, что политика, проводимая государством в отношении школьного образования, не была единой. На начальной стадии реформирования системы образования при министре народного просвещения А.В. Головнине, вмешательство государства в систему образования сводилось до минимума. В данный период правительство видело своей задачей выстроить систему народного просвещения в Российской империи по европейской модели, поощряя при этом инициативы по созданию образовательных учреждений (Аллагуров, 2013: 153). Именно обучение

русского языку рассматривалось правительством, как одна из основных задач развития инородческой системы образования. Согласно «Положению о начальных народных училищах», принятому 14 июля 1864 г., в обществе утверждалось религиозное и нравственное воспитание. При этом обучение в училищах должно было вестись на русском языке для лиц любого вероисповедания ([Сборник постановлений по Министерству народного просвещения, 1876: 1342–1350](#)). Однако в рамках Указа от 26 марта 1870 г. «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев» детям татар-мусульман, другим инородцам нехристианского вероисповедания, обучающимся в учебных заведениях страны, разрешалось не посещать уроки «Закона Божьего» и не изучать церковно-славянский язык ([Полное собрание законов Российской империи, 1870: 314](#)).

Важно отметить, что в 1874 г. было принято «Положение о начальных народных училищах». Оно устанавливало, что вся система обучения в Российской империи полностью находилась в ведении Министерства народного просвещения и Русской православной церкви. В связи с этим преподавание должно было вестись только на русском языке, а епархиальный архиерей обязан был следить за религиозно-нравственным обучением в учебных заведениях. К тому же в Училищный совет также должен был входить представитель от епархиального ведомства ([Полное собрание законов Российской империи, 1876: 834–840](#)). Все мусульманские учебные заведения (мектебе и медресе), согласно принятому Положению, также передавались под контроль Министерства народного просвещения.

Несмотря на вводимые правила, связанные с приобщением инородческого населения Российской империи к русской культуре, правительство понимало необходимость реформирования именно сложившейся системы национального образования. Так, министр народного просвещения Н.П. Боголепов видел своей задачей организацию работы «национальных школ», в рамках которых предполагалось более детальное изучение родного языка, быта и природы ([Богуславский, 2006: 14](#)). Следует обратить внимание на то, что правительство стремилось найти определенный баланс в системе русского образования с учетом этнического и конфессионального аспектов. Однако отсутствие даже среди правительственных кругов единой позиции по реформированию системы образования не позволяло проводить последовательную политику реформирования школьной системы. Отдельное внимание государством уделялось вопросам, связанным с программой обучения, управления учебными заведениями, а также назначению учителей ([Левашов, 2010: 134–135](#)).

Среди инородческих школ, открываемых для традиционных этносов, серьезное внимание государством уделялось реформированию мусульманской школы. Во много это было связано еще и с тем, что мусульманские общины к середине XIX в. имели уже достаточно развитую систему религиозного образования. Кроме того, наблюдалось стремление самого населения к грамоте, особенно среди татарского народа. Нужно отметить, что попытки реформирования мусульманских учебных заведений по европейской системе образования относятся еще к началу XIX в. В 1818 г. муфтий М. Хусайнов и профессор Казанского университета П.С. Кондырев предложили перестроить систему мусульманских школ таким образом, чтобы учащиеся в них получали не только духовное, но и светское образование ([Гафаров, Гафаров, 2012: 297](#)). Правительство, вступая на путь реформирования инородческого образования, постаралось найти поддержку и в среде мусульманского духовенства. Так, муфтий Оренбургского магометанского духовного собрания выступил с обращением, в котором указал, что ахуны и муллы обязаны содействовать введению русского языка в учебных заведениях, открывающихся при мечетях ([ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 607. Л. 5](#)).

Однако надо отметить, что даже во второй половине XIX в. не все мусульманское население было настолько прогрессивно в своих взглядах и в осознании необходимости учета государственных интересов. Мусульманские муллы часто проводили агитационную работу среди населения, убеждая его в том, что введение светских предметов в медресе и мектебе приведет к русификации. В связи с этим, обучение в мусульманских учебных заведениях по-прежнему велось на арабском языке, а родной язык вообще оказывался на третьем месте после арабского и русского. Такое положение дел в целом негативно сказывалось на уровне образования ([Ермолов, 2009: 103](#)).

Следует подчеркнуть, что опасения со стороны мусульманской общественности были не случайными, т.к. правительство предпринимало всяческие меры по контролю за учебными заведениями и учебниками, используемыми в мусульманских школах. Согласно распоряжению министра народного просвещения с 1892 г. допускалось использование в школах только печатных изданий, прошедших русскую цензуру. При этом преподавать в таких школах имели право только лица, получившие образование в Российской империи ([Раздыкова, 2009: 221](#)).

Кроме того, к усилению контроля за системой мусульманского образования привели идеи панисламизма, которые стали широко распространяться среди мусульманской интеллигенции, особенно в Поволжье ([Тюкова, 2011: 103](#)). В результате государство начинает устанавливать контроль, как за отдельными учителями, так и учениками мусульманских школ. О неблагонадежности мусульманского населения свидетельствовал в частности и факт обнаружения в 1892 г. Константинопольских изданий антиправительственного содержания. Они были выявлены Министерством народного просвещения в результате проверки школ Томской губернии ([ГААК. Ф. 181. Оп. 1. Д. 41 Л. 69](#)). По мнению правительства, самую опасную категорию учителей составляли мугаллимы. Данная группа учителей получала образование за границей и была практически

бесконтрольна. По мнению Министерства внутренних дел, такие учителя могли потенциально угрожать интересам государства (ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 11. Д. 347. Л. 53). В результате Министерство внутренних дел не только курировало, но порой и преследовало данную категорию образованного мусульманского населения, арестовывая их и закрывая учебные заведения. Обосновывались данные меры отсутствием учителя в школе, имеющего свидетельство на право преподавания. В 1905 г. Оренбургское магометанское духовное собрание издало Циркуляр, согласно которому, было запрещено выдавать свидетельства на право преподавания лицам иностранного происхождения, выдающих себя за святых и ведущих обучение среди мусульманского населения (ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 11. Д. 484. Л. 263–263об.).

Важно подчеркнуть, что ужесточения правил по организации учебных заведений в конечном итоге, привело к ведению тайного обучения, что заставило правительство 3 апреля 1892 г. принять «Временные правила о взысканиях за тайное обучение». Согласно принятому документу виновные подвергались аресту до 3 месяцев либо денежному штрафу до 300 рублей (Уварова, 2012: 76; Полное собрание законов Российской империи, 1895: 223–224).

Особенно остро с данной проблемой столкнулись мусульманские школы Степного края, где большинство из них работало нелегально (Раздыкова, 2009: 219–220; Блинова, 2010: 161). Нужно учесть, что государство опасалось влияния мулл на казахское население, о чем свидетельствует обращение военного губернатора Акмолинской области к Семипалатинскому губернатору. Военным генерал-губернатором предлагалось ввести некоторые меры для сокращения влияния мусульманских духовных лиц из татар на казахское население. Для того чтобы оценить всю опасность со стороны духовенства и татар, Генерал-губернатор Западной Сибири был сделан запрос Семипалатинскому губернатору. В запросе Генерал-губернатор просил уточнить программу обучения детей казахов, а также велось ли преподавание русского языка. Кроме того, свой запрос Губернаторам Томской, Тобольской губерний, а так Семипалатинской и Акмолинской областей направило Министерство внутренних дел, которое просили сведения о том, как открываются при мечетях школы, кто контролирует данные учебные заведения. В запросе также просили уточнить, кто именно преподает в мусульманских школах, кто назначал учителей на эти должности и преподается ли русский язык (КУИсАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 15406. Л. 8–9). Аналогичный запрос был сделан в 1878 г. Томскому и Тобольскому губернаторам. Главное управление Западной Сибири в свою очередь просило ускорить предоставление запрашиваемых данных, а также вынести свои предложения Томского, Семипалатинского и Тобольского губернаторов по организации инородческого образования в своих губерниях (КУИсАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 15406. Л. 10–14). В результате было установлено, что главной проблемой, отмеченной военным губернатором Семипалатинской области, являлось присутствие в регионе преимущественно малограмотных учителей, деятельность которых к тому же плохо оплачивалась. Более того, русский язык, как правило, не преподавался, поскольку учителя, которые работали в этих заведениях, сами плохо его знали. Отмечалось так же, что невозможно провести полностью замену кадрового состава учебных заведений на учителей, которые были бы русскими в этническом отношении, т.к. в школьной программе предусмотрено изучение мусульманского закона. В тоже время признавалось целесообразным введение в штатный состав по одному русскому учителю. Относительно степени контроля над такими школами было установлено, что его фактически нет, т.к. они содержались на добровольные пожертвования. В результате анализа собранной информации, был сделан вывод о том, что преподавание русского языка следует вводить через Оренбургское магометанское духовное собрание, а не через местную полицию, как это было предложено Акмолинским военным губернатором (КУИсАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 15406. Л. 23–26об.). О сложностях в преподавание русского языка в мусульманских школах сообщал и Томский губернатор, поскольку имеющиеся учителя из инородческой среды плохо им владеют. При этом губернатор подчеркивал, что в Томской губернии все учителя в мусульманских школах утверждаются Оренбургским магометанским духовным собранием и указом Томского губернского правления (КУИсАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 15406. Л. 18–20).

Следует особо подчеркнуть, что правительство Российской империи своей задачей видело ограничение влияния мусульманского духовенства на систему школьного образования, что подтверждает указание Департамента духовных дел, направленное Оренбургскому магометанскому духовному собранию. В предписании указывалось, что преподавание не являлось прямой обязанностью духовенства. Это подтверждалось и действующим в тот период законодательством (ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 11. Д. 347. Л. 12; Свод законов Российской империи, 1896: 135).

Важно подчеркнуть, что государство стремилось постепенное искоренить национальные школы с помощью внедрения на начальной стадии русско-инородческих школ в систему образования. Целью создания таких учебных заведений было обязательное введение русского языка, а затем полная русификация инородческого населения. Идея создания школ такого вида принадлежит миссионеру Н.И. Ильминскому. Инородческие школы могли получать средства на содержание со стороны правительства, но при условии открытия русского класса и подчинения Министерству народного просвещения с полным контролем с его стороны (Шершнева, 2013).

Несмотря на жесткий контроль со стороны государства, мусульманская общественность стремилась к организации своей духовной жизни, частью которой была потребность в получении образования. В начале XX в. по инициативе мусульман создаются, в т.ч. в Западной Сибири, Общества

попечения об учащихся-мусульманах. Примером данного явления служит Общество, открытое в 1907 г. при мектебе в г. Омске. Данные общества имели право на приобретение литературы для обучения, содержание здания школы и учителя. Кроме того, они оказывали материальную поддержку учащимся. Разрешалось также оказывать помощь способным, но бедным ученикам для дальнейшего продолжения образования (Раздыкова, 2009: 225). Факт оказания состоятельной мусульманской общественностью поддержки развития школьного образования подтверждается, например, выделенными казахами 40 тыс. рублей в честь столетия Внутренней Киргизской орды на учреждение стипендий учащихся. Однако в распоряжение данными средствами вмешалось Министерство внутренних дел и окружное учебное начальство, считавшие, что целесообразнее потратить данные средства на начальное образование в Киргизской Орде (Тарабановская, 2016: 194). В целом, в Уставах учебных заведений прописывалось, что выделение стипендий учащимся полностью доверялось попечителям учебных округов (Сафина, 2016: 127).

Важно обратить внимание на то, что мусульманское население всегда уделяло большое внимание образованию подрастающего поколения. Особенно хорошо такая ситуация наблюдалась в татарской среде. В связи с этим грамотные татары часто сами обучали мальчиков. После появления в населенном пункте мечети эти функции возлагались непосредственно на муллу. Уже в XIX в. процент грамотного мусульманского населения был значительно выше, чем в русской среде. При этом при мечетях стремились обязательно открыть мектебе, как начальную ступень школьного образования, которая приравнивалась к церковно-приходской школе (ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 43. Л. 6–7).

Наметившаяся политическая активность в мусульманской среде в начале XX в. привела к организации в 1904 г. Министерством народного просвещения комиссии по оценке состояния мусульманского образования. По итогам проверки состоялось собрание, на котором был поднят вопрос о роли государства в формировании конфессионального образования (Шершнева, 2013). 31 марта 1906 г. Министерством Народного Просвещения были приняты правила о контроле за начальными училищами для инородцев, что стало свидетельством активного вмешательства в систему национального образования со стороны государства. Мусульманской общественностью было направленно обращение к правительству, в котором подробно рассматривались те пункты принятых правил, которые были не приемлемы для религиозных школ. Важно подчеркнуть, что недовольства мусульман вызвало обязательное внедрение русского языка и приобщение к русской культуре. Кроме того, были допущены формулировки, которые оскорбляли мусульманское население, обвиняя его в невежестве и не любви к отечеству. Недовольство вызывало и использование в обучение литературы, изданной только на территории Российской империи (ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 11. Д. 347). Активная борьба мусульманской общественности, в том числе и входившей в состав Государственной Думы, привела к отмене старых правил и принятию 1 ноября 1907 г. новой редакции «Правил о начальных училищах для инородцев». Новые правила давали некоторые послабления, и в первую очередь, это касалось языка преподавания (Национальная политика России: история и современность, 1997: 132).

Вполне очевидно, что российское правительство рассматривало реформирование образования только с позиции государственных интересов. К 1910 г. в государстве появляется определенная модель для формирования инородческого образования, в рамках которой должна была существовать начальная – конфессиональная школа, а среднее и высшее образование должно было стать единым для всей империи не зависимо от этнической и конфессиональной принадлежности учеников. В тоже время, например татарский этнос, рассматривал такую модель образования как крайне опасную, т.к. она способствовала обрусению инородческого компонента (Мухаметшин, 2009: 210).

Нельзя не отметить, что просвещенное мусульманское население видело необходимость в реформировании системы школьного образования. Особое внимание при этом уделялось созданию именно национальных школ, носивших светский характер. Идейным вдохновителем реформирования системы мусульманского образования являлся И.Б. Гаспринский. Именно ему принадлежит идея создания новометодных школ, главной задачей которых являлась подготовка подрастающего поколения для обучения в высших учебных заведениях империи. Начальное образование, по мнению И.Б. Гаспринского, должно было вестись только на национальном языке (Прайт, 2011: 34; Гаспринский, 1992: 111). В начале XX в. были достигнуты некоторые успехи в реформировании национального образования. Так, в 1916 г. была открыта в Казани татарская женская гимназия Ф. Аитовой, ставшая национальной классической гимназией (Ермолов, 2009: 103). Однако в татарской периодической печати того времени отмечалось, что мусульманское образование не делится на светское и духовное, а соответственно спор о конфессиональном или светском характере новометодных медресе не совсем уместен. К тому же открытие мусульманских учебных заведений, целиком был связан с существованием прихода (Мухаметшин, 2009: 198–199). Данный факт подтверждается обращениями татар-переселенцев Каменской Волости Тюменского уезда Тобольской губернии. Мусульмане, стремясь организовать свою духовную жизнь, обратились к губернскому начальству с ходатайствами об устройстве мечети и открытии при ней школы. В ходатайстве к заведующему землеустройством и переселением в Тобольской губернии указывалось, что переселенцы обратились с просьбой выдать им безвозмездное пособие для устройства мечети и русско-татарской школы. В связи с тем, что ближайшая школа находится в 60 верстах от поселка, то переселенцы-мусульмане не могут удовлетворять свои религиозно-просветительские потребности.

Дальнейшее содержание культового здания и школы община брала на себя (ГБУТО. Фи. 580. Оп. 1. Д. 802. Л. 1а–13). Несмотря на то, что ходатайство было подано еще в 1913 г., процесс выделения ссуды со стороны государства всячески затягивался. В конечном итоге, из-за затянувшейся бюрократической волокиты и революционных потрясений, татары-переселенцы в 1919 г. отказались от поданного ими ходатайства о выдаче государственного пособия на постройку мечети и мусульманской школы (ГБУТО. Фи. 580. Оп. 1. Д. 807. Л. 4–20).

Следует отметить, что, несмотря на всеобщее желание изменить систему мусульманского образования, она по-прежнему имела множество проблем. В частности, русско-татарские школы сталкивались с недостатком учителей, владевших татарским языком. Это обстоятельство существенно снижало успеваемость учеников. Традиционные мусульманские учебные заведения, представленные медресе и мектебе, испытывали также сильные финансовые затруднения, т.к. целиком находились на обеспечении самой общины (Рафиков, 2009: 90). Данные проблемы наметились в системе мусульманского образования еще с 1853 г., когда в управленческих кругах был поднят вопрос об инородческих школах в Сибири. Формирование таких школ из-за слабого финансирования, а также опасения местного населения массовой христианизации, шло крайне медленно. Еще одной проблемой в то время стало преподавание на родном языке, вызывавшее неприятие школьных властей (Гафаров, Гафаров, 2012: 299). О важности введения образования в инородческой среде свидетельствует список журнала Томского губернского совета от 20–24 марта 1854 г. В нем указывалось, что на специальном заседании рассматривалось представление Томского губернского правления о мерах, направленных на постепенное развитие инородческого образования в Томской губернии. В документе отмечалось, что инородцы разделены на разряды. Оседлые, проживающие в Томском, Колыванском, Кузнецком и Бийском округах, ведут преимущественно крестьянский образ жизни. Они живут среди русского населения, знают русский язык, а некоторые владеют и татарской грамотой. Особой потребности в учебных заведениях они не испытывают, и поэтому могут получить образование в приходских училищах по месту жительства. Относительно инородцев-мусульман, было отмечено, что они могут продолжить получать образование при мечети, а в качестве учителя может выступать сам мулла. Инородцы второго разряда были представлены жителями Каинского округа, преимущественно татары. Данные инородцы были далеки по образу жизни от русских, поскольку сохраняли традиционный кочевой образ жизни. Инородцы-кочевники, согласно материалам заседания, проживали достаточно рассредоточено. Однако на заседании была отмечена возможность создания для них двух училищ – в Барабинской управе и Кирдиримских Юртах Туражской Управы. При этом были также высказаны опасения о возможном противодействии со стороны мулл, т.к. в таких мерах они видели процесс обращения населения в христианство. В связи с этим предлагалось включить их в систему образования иноверцев. Для этого были необходимы учителя, хорошо знающие татарский язык, которые бы преподавали мусульманский закон и не касались бы религиозных убеждений. Кроме того, указывалось, что в этих училищах нужен еще преподавать основы православной веры. При этом подчеркивалась и важность введения тех предметов, которые предусмотрены учебной программой для приходских училищ. Наконец, третью и четвертую группу составляли инородцы, которые были отнесены к идолопоклонникам, т.е. исповедующим традиционные шаманские верования. Относительно этих групп иноверцев вопрос образования отдельно на указанном заседании, вероятно, не рассматривался (КУИСАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3532. Л. 24–44).

Важно подчеркнуть, что, несмотря на все попытки преобразования мусульманской системы образования, в целом на всей территории Российской империи, так и не сложилась развитая система национального образования. Только на национальных территориях, среди которых следует выделить компактно проживающее татарское население, создаются крупные учебные заведения, способствующие появлению национальной интеллигенции (Закиров, 2007: 173).

5. Заключение

Таким образом, во второй половине XIX в. в Российской империи наметилась потребность в реформировании национальных школ. Особое внимание со стороны государства начинает уделяться мусульманским школам, т.к. ислам являлся в стране второй по численности конфессией. К тому же мусульманское образование имело развитую систему, сложившуюся ко второй половине XIX в. Этнические группы, придерживающиеся мусульманской традиции, также видели потребность в реформировании школьной системы в рамках современных тенденций развития общества. Просвещенные мусульманские круги выступили за создание новометодных школ, задачей которых была подготовка к поступлению подрастающего поколения в учебные заведения страны, но с учетом национальных особенностей и, в первую очередь, сохранение национального языка. Отсутствие единства взглядов, как со стороны правительства, так и в самой мусульманской среде, не привели к кардинальным преобразованиям национальной школьной системы. Правительство, с осторожностью подходило к принятию мер, связанных с реформированием мусульманской школьной системы. В результате имперская власть принимала противоречащие законы. Так, в 1870 г. мусульманам было разрешено не посещать уроки «Закона Божьего» и не изучать «Церковно-славянский язык». Однако уже в 1874 г., согласно введенному «Положению о начальных народных училищах», закреплялось ведение обучения на русском языке во всех школах. При этом Русская православная церковь

выступала в роли контролера религиозно-нравственного обучения в учебных заведениях страны. Правительство также стремилось к ограничению на создание мусульманских учебных заведений, затягивая процесс выдачи средств на организацию мусульманских школ, несмотря на обязательства их выделения при условии открытия при них русских классов.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках госзадания Минобрнауки РФ по теме "Развитие этнорелигиозной ситуации в трансграничном пространстве Алтая, Казахстана и Монголии в контексте государственно-конфессиональной политики: исторический опыт и современные тенденции" (проект №33.2177.2017/4.6).

Литература

[Аллагуров, 2013](#) – Аллагуров А.М. Государственная концепция образовательной политики в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. // *Теория и практика общественного развития*. 2013. №4. С. 152–155.

[Блинова, 2010](#) – Блинова О.В. Этноконфессиональные школы Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв.: положение и роль учителей и особенности образования // *Вестник Омского университета*. 2010. №2. С. 155–162.

[Богуславский, 2006](#) – Богуславский М.В. Реформы российского образования XIX–XX вв. как глобальный проект // *Вопросы образования*. 2006. №3. С. 5–21.

ГААК – Государственный архив Алтайского края.

[Гаспринский, 1992](#) – Гаспринский И.Б. Русское мусульманство // *Этнографическое обозрение*. 1992. №6. С. 110–116.

ГАТО – Государственный архив Томской области.

[Гафаров, Гафаров, 2012](#) – Гафаров А.А., Гафаров А.Н. Колониальная аккультурация традиционного уклада мусульман Российской империи // *Вестник Казанского технического университета*. 2012. Т. 15. №17. С. 296–302.

ГБУТО – Государственный архив г. Тобольска.

[Ермолов, 2009](#) – Ермолов В.А. Особенности системы образования в национальных школах Российской империи: мусульманские и еврейские школы // *Общество. Среда. Развитие (Terra Humana)*. 2009. №4. С. 100–109.

[Закиров, 2007](#) – Закиров Р. Национальное образование у татар и образовательное пространство России // *Высшее образование в России*. 2007. №2. С. 172–174.

КУИСАОО – Казенное учреждение Исторически архив Омской области.

[Левашов, 2010](#) – Левашов Д.Е. Этноконфессиональные особенности народного образования в Российской империи начала XX века (на примере Саратовской губернии) // *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*. 2010. № 4. С. 133–136.

[Мухаметшин, 2009](#) – Мухаметшин Р.М. Система образования у татар в начале XX века: состояние, проблемы и перспективы // *Источники существования исламских институтов в Российской империи*. Казань, 2009. С. 198–211.

[Национальная политика России, 1997](#) – Национальная политика России: история и современность. М., 1997. 680 с.

[Полное собрание законов Российской империи, 1874](#) – Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1874. Собрание 2. Т. XLV. 896 с.

[Полное собрание законов Российской империи, 1876](#) – Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1876. Собрание 2. Т. XLIX. 948 с.

[Полное собрание законов Российской империи, 1895](#) – Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1895. Собрание 3. Т. XII. 734 с.

[Практ, 2011](#) – Практ Д.В. Традиционное образование мусульманской России на рубеже XIX–XX вв. // *Религиоведение*. 2011. № 1. С. 32–38.

[Раздыкова, 2009](#) – Раздыкова Г.М. Материальное и правовое положение мусульманских школ в Казахстане в конце XIX – начале XX вв. // *Источники существования исламских институтов в Российской империи*. Казань, 2009. С. 219–229

[Рафиков, 2009](#) – Рафиков А.М. Становление национального образования в Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX века // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2009. № 41 (179). История. Выпуск 38. С. 87–95.

[Сафина, 2016](#) – Сафина Е.А. Роль общественности в функционировании народного образования Российской империи // *Вестник УТУЭС*. 2016. №1(15). С. 125–129.

[Сборник постановлений по Министерству народного просвещения, 1876](#) – Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. 1876, С. 1342–1350 [Электронный ресурс]. URL: <http://istmat.info/node/33408> (Дата обращения: 27.11.2017)

[Свод законов Российской империи, 1896](#) – Свод законов Российской империи. СПб., 1896. Т. 11. 178 с.

Стурова, 2014 – Стурова М.В. Конфессиональная доминанта в интеграции славянского населения: церковно-школьное строительство в Степном крае (80-е гг. XIX – начало XX в.) // *Известия Алтайского государственного университета*. 2014. №4. С. 212–216.

Тарабановская, 2016 – Тарабановская Е.А. Элементы общественного управления в системе национального образования в России начала XX века (на примере обучения казахов в Астраханской школе фельдшеров и фельдшерниц-акушеров) // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2016. Т. 8. №1/1. С. 193–196.

Тюкова, 2011 – Тюкова Е.В. Организация контроля над системой образования в исламской среде Российской империи в конце XIX – начале XX в. // *Царскосельские чтения*. 2011. Т. III. Выпуск XV. С. 100–105.

Уварова, 2012 – Уварова Н.А. Государственная политика в сфере образования на западных окраинах России в конце XIX – начале XX в. как часть национальной политики // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. 2012. №1. С. 71–77.

ЦГИА РБ – Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан.

Шершнёва, 2013 – Шершнёва Е.А. Положение мусульманских общин Томской губернии в контексте государственно-конфессиональной политики Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.: автореф... дис. канд. ист. наук. Алтайский государственный университет, Барнаул, 2013. 23 с.

References

Allagurov, 2013 – Allagurov A.M. (2013). Gosudarstvennaya kontseptsiya obrazovatel'noi politiki v Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [The State of the concept of educational policy in the Russian Empire in the second half of XIX – early XX century]. *Theory and practice of social development*. Nr. 4. pp. 152–155 [in Russian]

Blinova, 2010 – Blinova O.V. (2010). Etnokonfessional'nye shkoly Zapadnoi Sibiri na rubezhe XIX–XX vv.: polozhenie i rol' uchitelei i osobennosti obrazovaniya [Ethno-confessional schools of Western Siberia in the XIX–XX centuries: the position and role of teachers and characteristics of education]. *Vestnik of Omsk University*. Nr. 2. pp. 155–162 [in Russian]

Boguslavskii, 2006 – Boguslavskii M.V. (2006). Reformy rossiiskogo obrazovaniya XIX–XX vv. kak global'nyi proekt [Reform of Russian education XIX–XX centuries as a global project of education]. *The issue of education*. Nr. 3. pp. 5–21 [in Russian]

ГААК – Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia [State archive of Altai Krai]

Gasprinskii, 1992 – Gasprinskii I.B. (1992). Russkoe musul'manstvo [Russian Islam]. *Ethnographic review*. Nr. 6. pp. 110–116 [in Russian]

ГАТО – Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti [State archive of Tomsk region]

Gafarov, Gafarov, 2012 – Gafarov A.A., Gafarov A.N. (2012). Kolonial'naya akkul'turatsiya traditsionnogo uklada musul'man Rossiiskoi imperii [Colonial acculturation traditional way of life of Muslims of the Russian Empire]. *Bulletin of the Kazan technological University*. T. 15. Nr. 17. pp. 296–302 [in Russian]

GBUTO – Gosudarstvennoe byudzhethnoe uchrezhdenie Tyumenskoi oblasti «Gosudarstvennyi arkhiv g. Tobol'ska» [The state budget institution of Tyumen region «State archive of Tobolsk»]

Ermolov, 2009 – Ermolov V.A. (2009). Osobennosti sistemy obrazovaniya v natsional'nykh shkolakh Rossiiskoi imperii: musul'manskie i evreiskie shkoly [Features of the education system in national schools of the Russian Empire: Muslim and Jewish schools]. *Society. Environment. Development (Terra Humana)*. Nr. 4. pp. 100–109 [in Russian]

Zakirov, 2007 – Zakirov R. (2007). Natsional'noe obrazovanie u tatar i obrazovatel'noe prostranstvo Rossii [National education of Tatars and educational space of Russia]. *Higher education in Russia*. Nr.2. pp. 172–174 [in Russian]

KUIsAOO – Kazennoe uchrezhdenie Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti [Public institution historical archive of the Omsk region]

Levashov, 2010 – Levashov D.E. (2010). Etnokonfessional'nye osobennosti narodnogo obrazovaniya v Rossiiskoi imperii nachala XX veka (na primere Saratovskoi gubernii) [Ethno-religious characteristics of national education in Russian Empire beginning of the XX century (by the example of Saratov region)]. *Bulletin of Saratov state socio-economic University*. Nr. 4. pp. 133–136 [in Russian]

Mukhametshin, 2009 – Mukhametshin R.M. (2009). Sistema obrazovaniya u tatar v nachale XX veka: sostoyanie, problemy i perspektivy [System of education of the Tatars in the early twentieth century: state, problems and prospects]. *Sources of the existence of Islamic institutions in the Russian Empire*. Kazan, pp. 198–211 [in Russian]

Natsional'naya politika Rossii, 1997 – Natsional'naya politika Rossii: istoriya i sovremennost' [National policy of Russia: history and modernity]. М., 1997. 680 p. [in Russian]

- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, 1874** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. SPb., 1874. The meeting II. T. XLV. 896 p. [in Russian]
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, 1876** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. SPb., 1876. The meeting II. T. XLIX. 948 p. [in Russian]
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, 1895** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. SPb., 1895. The meeting III. T. XII. 734 p. [in Russian]
- Prakht, 2011** – *Prakht D.V.* (2011). Traditsionnoe obrazovanie musul'manskoi Rossii na rubezhe XIX–XX vv. [Traditional education of Muslims in Russia at the turn of XIX–XX centuries]. *Religious studies*. Nr. 1. pp. 32–38 [in Russian]
- Razdykova, 2009** – *Razdykova G.M.* (2009). Material'noe i pravovoe polozhenie musul'manskikh shkol v Kazakhstane v kontse XIX – nachale XX vv. [Material and legal position of Muslim schools in Kazakhstan in the late XIX – early XX centuries]. *Sources of the existence of Islamic institutions in the Russian Empire*. Kazan, pp. 219–229 [in Russian]
- Rafikov, 2009** – *Rafikov A.M.* (2009). Stanovlenie natsional'nogo obrazovaniya v Vyatskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [The formation of national education in the Vyatka province in the second half of XIX – early XX century]. *Bulletin of the Chelyabinsk state University*. Nr. 41 (179). History. Edition 38. pp. 87–95 [in Russian]
- Safina, 2016** – *Safina E.A.* (2016). Rol' obshchestvennosti v funktsionirovanii narodnogo obrazovaniya Rossiiskoi imperii [The role of the public in the functioning of national education of Russian Empire]. *Bulletin of HUGUES*. Nr. 1(15). pp. 125–129 [in Russian]
- Sbornik postanovlenii po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya, 1876** – Sbornik postanovlenii po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya [A collection of decrees by the Ministry of education]. pp. 1342–1350 [Electronic resource]. URL: <http://istmat.info/node/33408> (date accessed: 27.11.2017) [in Russian]
- Svod zakonov Rossiiskoi imperii, 1896** – Svod zakonov Rossiiskoi imperii [The laws of the Russian Empire]. SPb., 1896. T. 11. 178 p. [in Russian]
- Sturova, 2014** – *Sturova M.V.* (2014). Konfessional'naya dominanta v integratsii slavyanskogo naseleniya: tserkovno-shkol'noe stroitel'stvo v Stepnom krae (80-e gg. XIX – nachalo XX v.) [Religious dominance in the integration of the Slavic population: Church and school-building in the Steppe region (80-ies of XIX – beginning of XX century)]. *News of Altai state University*. Nr. 4. pp. 212–216 [in Russian]
- Tarabanovskaya, 2016** – *Tarabanovskaya E.A.* (2016). Elementy obshchestvennogo upravleniya v sisteme natsional'nogo obrazovaniya v Rossii nachala XX veka (na primere obucheniya kazakhov v Astrakhanskoi shkole fel'dsheroi i fel'dsherits-akusherov) [Elements of social management in the system of national education in Russia in the early XX century (on the example of study of the Kazakhs in Astrakhan school of medical assistants and nurse-midwives)]. *Historical and socio-educational thought*. Vol. 8. Nr. 1/1. pp. 193–196 [in Russian]
- Tyukova, 2011** – *Tyukova E.V.* (2011). Organizatsiya kontrolya nad sistemoi obrazovaniya v islamskoi srede Rossiiskoi imperii v kontse XIX – nachale XX v. [Organization of control over the education system in the Islamic environment of the Russian Empire in the late XIX – early XX century]. *Tsarskoye Selo readings*. T. III. Issue XV. pp. 100–105 [in Russian]
- Uvarova, 2012** – *Uvarova N.A.* (2012). Gosudarstvennaya politika v sfere obrazovaniya na zapadnykh okrainakh Rossii v kontse XIX – nachale XX v. kak chast' natsional'noi politiki [State policy in the sphere of education in the Western border regions of Russia in the late XIX – early XX century as a part of national policy]. *Bulletin of Leningrad state University of A.S. Pushkin*. Nr. 1. pp. 71–77 [in Russian]
- TsGIA RB** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Respubliki Bashkortostan [Central state historical archive of Republic Bashkortostan]
- Shershneva, 2013** – *Shershneva E.A.* (2013). Polozhenie musul'manskikh obshchin Tomskoi gubernii v kontekste gosudarstvenno-konfessional'noi politiki Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [The situation of the Muslim communities of Tomsk province in the context of the state and confessional policy of the Russian Empire in the second half of the XIX – the beginning of the XX century.: avtoref ... dis. Cand. east. sciences. Altai State University]. Barnaul. 23 p. [in Russian]

Этноконфессиональный аспект образовательной политики Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. (на примере системы мусульманского образования Западной Сибири)

Петр Константинович Дашковский^{a, *}, Елена Александровна Шершнёва^a

^a Алтайский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается проблема реформирования системы школьного образования в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. Особый интерес со стороны государства в данный период был направлен на реформирование иногородческого образование, и в первую очередь затрагивал систему мусульманского школьного образования в стране. Политика, проводимая правительством по реформированию школьной системы, носила не последовательный характер. Начальный этап реформирования национального школьного образования ознаменовался минимальным вмешательством в данную сферу. Однако уже при графе Д.А. Толстом, занимающим должность министра народного просвещения в период с 1866–1880 гг., мусульманские учебные заведения были полностью подчинены Министерству народного просвещения и Русской православной церкви. Это подтверждает и специальное Положение, принятое в 1874 г. Не было единого мнения в отношении устройства школьной системы и в самой мусульманской среде. Мусульманское духовенство в лице муфтия Оренбургского магометанского духовного собрания считало необходимым введение русского языка в мусульманских учебных заведениях. Однако приходское духовенство относилось к данному нововведению с настороженностью, т.к. видело в этом попытки русификации иногородцев со стороны правительства. В связи с этим, одной из основных задач правительства при реформировании системы школьного образования стало ограничение влияния духовенства, в особенности получившего образование за пределами России и не имеющего свидетельства на право преподавания. Стремясь к улучшению устройства школьной системы, мусульмане стали создавать попечительские общества, задачей которых была материальная помощь наиболее способным учащимся для продолжения обучения. Несмотря на то, что данные общества существовали за счет благотворительных средств самих мусульман, в распоряжение материальным фондом вмешалось Министерство внутренних дел и окружное учебное начальство, расходуя данные средства непосредственно на нужды своего ведомства. Как правило, данные средства использовались для открытия русско-иногородческих школ, задачей которых было постепенное искоренение национальной и религиозной культуры в иногородческой среде. В связи с наметившейся политической активностью в мусульманской среде в начале XX в. еще больше усиливается вмешательство в систему национального образования со стороны государства, что подтверждают «Правила о контроле за начальными училищами для иногородцев», принятые Министерством Народного Просвещения в 1906 г.

Ключевые слова: ислам, мектебе, медресе, Российская империя, государственно-конфессиональная политика, муллы, Западная Сибирь, мечеть.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dashkovskiy@fpm.asu.ru (П.К. Дашковский),
D2703@yandex.ru (Е.А. Шершнёва)